

Глава 10

Последние несколько дней Чао Цы жил в своё удовольствие.

Хотя принудительное завершение отпуска и необходимость возвращаться к работе поначалу вызвали у него досаду, текущее положение дел вполне его устраивало. Теперь его любовником был сам император, а старший брат занимал пост канцлера. Две могущественнейшие фигуры государства Е души в нём не чаяли, стремясь исполнить любой каприз, так что жизнь юноши стала поистине беззаботной.

Это было куда приятнее, чем каждый день вкалывать в таверне, как в прошлый раз. :)

Вот и сегодня: утренняя аудиенция у Цяо Пэя уже закончилась, а Чао Цы всё ещё нежился в постели в своих покоях.

Завершив государственные дела и переговорив с парой доверенных лиц, Цяо Пэй сразу же отправился в опочивальню своего фаворита. Увидев государя, служанки и евнухи поспешили склониться в глубоком поклоне, но не издали ни звука.

Император настолько дорожил покоем юного господина, что ещё во время своего первого визита запретил слугам громогласно объявлять о его прибытии, дабы не тревожить сон Чао Цы.

Цяо Пэй, облачённый в чёрное императорское одеяние с вышитыми драконами, при своём росте почти в девять чи выглядел величественно и сурово. Одного его взгляда было достаточно, чтобы у челяди замирало сердце.

Широким шагом он вошёл во внутренние покои и увидел, что полог кровати всё ещё плотно задернут. Плотная ткань не пропускала ни единого лучика дневного света.

Цяо Пэй едва заметно вскинул бровь, подошёл к постели и резким движением откинул занавес.

Яркий свет мгновенно ворвался в полумрак. Юноша, до этого безмятежно спавший, вздрогнул, словно ошпаренная креветка, и принялся возиться, закутываясь в одеяло и пытаясь скрыться от слепящего солнца.

— Если сейчас же не встанешь, я сам стащу с тебя одеяло, — в голосе императора прозвучала нескрываемая улыбка.

Услышав это, Чао Цы спрятал голову в подушках и жалобно застонал:

— А-а, как же ты надоел...

У стоявших в стороне служанок ёкнуло сердце. Хотя они не раз видели подобные сцены и знали, в какой манере общаются государь и его любимец, всё же каждый раз они невольно замирали от страха.

Перед ними был не просто человек, а монарх династии Великого Е, бог войны, сокрушивший несколько государств, и «бог смерти», собственноручно казнивший сто тысяч пленных!

Пожалуй, во всём мире только юный господин Чао мог позволить себе разговаривать с ним в подобном тоне.

— Перестань капризничать. Если будешь пропускать завтрак, это плохо скажется на желудке, — наставительно произнёс Цяо Пэй. — Ты и так подорвал здоровье в те годы. Если не будешь заботиться о себе сейчас, представь, как расстроится твой брат.

Юноша в постели замер, а затем разразился тихим, но ворчливым протестом:

— Опять ты за своё! Вечно пугаешь меня старшим братом!

— Что поделать, если это средство работает безотказно, — рассмеялся Цяо Пэй.

Он высвободил Чао Цы из кокона одеял и добавил:

— Помнишь то персиковое печенье из лавки на юге столицы, которое ты так любил? Я отыскал того самого повара. Выпечка уже готова и ждёт тебя.

— Правда?! — Чао Цы мгновенно проснулся и сел в кровати.

Цяо Пэй говорил о лакомстве, к которому Чао Цы пристрастился ещё в своей прошлой жизни, будучи юным господином дома Чао. Это печенье было поистине божественным: снаружи хрустящая золотистая корочка, а внутри — нежная и ароматная начинка. Чао Цы искренне горевал об утрате этого рецепта, когда провинция Цзиньюнь была захвачена.

— Стал бы я тебя обманывать?

Когда Чао Цы умылся, Цяо Пэй приказал служанкам подать одежду и принялся сам, слой за слоем, облачать юношу.

Чао Цы неловко отвернулся:

— Биюнь и остальные могли бы сами с этим справиться.

Препираться с Цяо Пэем или капризничать было для него делом привычным — они дружили с самого детства. В юности они не только спорили, но и могли в шутку соревноваться в самых

нелепых вещах. Однако сейчас, когда Цяо Пэй собственноручно поправлял на нём воротник и затягивал пояс, Чао Цы чувствовал себя крайне неловко.

— Мне не трудно, — коротко отозвался Цяо Пэй.

На самом деле императору претила сама мысль о том, что другие — даже служанки — будут касаться его сокровища.

Он выбрал для Чао Цы верхнее одеяние ярко-алого цвета. Этот оттенок удивительно шёл юноше, подчёркивая его точёные черты лица и делая его образ таким же ослепительным, каким он был в годы их юности.

Чао Цы, непривычный к подобному великолепию, подёргал край рукава:

— Не слишком ли вызывающе?

Цяо Пэй промолчал.

Когда-то Чао Цы обожал наряжаться в броские одежды, ведя себя безрассудно и горделиво. Император понимал: годы лишений и скитаний заставили юношу стать робким, поселив в его сердце неуверенность.

Лишь спустя мгновение Цяо Пэй заговорил:

— В красном ты прекраснее всего. Это вовсе не вызывающе. Так и должно быть.

С этими словами он взял с подноса туфли и опустился на одно колено.

— Постой, обувь... обувь я надену сам! — испуганно воскликнул юноша, пытаясь отстраниться.

Цяо Пэй не обратил на это внимания. Властным движением он обхватил тонкую щиколотку юноши, приподнял его бледную, словно выточенную из нефрита ступню и надел туфлю.

Когда с одеждой было покончено, император решил сам уложить волосы Чао Цы.

— Сначала вымой руки! — нахмурился юноша.

«В конце концов, он только что трогал мои ноги!»

Цяо Пэй, вызвав этим жестом недовольство своего любимца, послушно ополоснул руки в тазу, который поднесла служанка.

— Теперь доволен? — спросил он со смесью усталости и нежности.

Цяо Пэй впервые взялся за причёску Чао Цы, и, к его удивлению, результат оказался весьма достойным.

— Хм, а вышло неплохо, — Чао Цы оглядел своё отражение в бронзовом зеркале, самодовольно сменил пару поз и кивнул.

Наконец, закончив со сборами, они отправились на трапезу. Перед Чао Цы тут же поставили блюдо с тем самым персиковым печеньем.

О, этот вкус!

Чао Цы ел с явным удовольствием, и на его щеке даже застряла пара крошек. С ними он был похож на маленького нашкодившего кота.

После еды Цяо Пэй собирался прогуляться с юношей, чтобы помочь пищеварению, но внезапно появился евнух и прошептал императору несколько слов. Лицо Цяо Пэя мгновенно помрачнело.

— Что случилось? — Чао Цы обеспоенно склонил голову набок.

— Ничего особенного. Появилось срочное дело, не смогу составить тебе компанию, — Цяо Пэй ласково потрепал юношу по волосам.

При этих словах глаза Чао Цы радостно блеснули, но он тут же придал лицу понимающее выражение:

— Тогда иди, не смею задерживать.

— И не надейся отлынивать от прогулки. Я велю Биюнь следить за тобой. Если поленишься, завтра не возьму тебя с собой в город, — предупредил Цяо Пэй.

Чао Цы тут же поник и уныло протянул:

— О-о...

***

Покинув покои Чао Цы, Цяо Пэй немедленно выехал из дворца и направился к резиденции канцлера.

В поместье Чао Цзюэ.

Стоит сказать, что хотя Цяо Пэй и Чао Цзюэ были братьями по оружию, прошедшими через огонь и воду, после того как Чао Цы и император открылись друг другу, между ними вспыхнул нешуточный спор о том, где именно должен жить юноша.

После долгих дебатов они пришли к соглашению: первую половину месяца Чао Цы проводит в императорском дворце, а вторую — в родовом поместье Чао.

Чао Цзюэ был крайне недоволен таким раскладом. С какой стати член семьи Чао должен жить в чужом доме? Однако спорить с правителем страны было трудно, тем более что его собственный младший брат явно симпатизировал императору. Пришлось уступить.

Сам Чао Цы не был предвзят. Он искренне дорожил воссоединением со старшим братом, но раз уж они с Цяо Пэем были вместе... Конечно, полагалось жить под одной крышей только после свадьбы, но сейчас, когда ситуация в стране ещё не стабилизировалась, официальный брак мог вызвать волнения при дворе, так что это событие пришлось отложить.

Но не могли же они всё это время жить врозь? В конце концов, они решили связать свои жизни, а потому Чао Цы согласился на время переезжать во дворец.

Сейчас атмосфера в поместье Чао была наэлектризована.

Под громкие возгласы стражи, возвещающей о прибытии государя, Цяо Пэй вошёл в главный зал.

Чао Цзюэ, ещё не сменивший придворное одеяние, сидел на главном месте, а чуть ниже располагался гость — мужчина с иссиня-чёрными волосами в белоснежных одеждах.

Увидев его, Цяо Пэй непроизвольно сузил зрачки.

Это действительно был он. Человек, которого он меньше всего хотел бы видеть снова.

«Разве он не умер?»

«...Как он может быть жив?!»

Чао Цзюэ, завидев императора, поприветствовал его и уступил почетное место, пересев на боковое сиденье.

Этим мужчиной был Цзинь Яо. Он тоже поднялся, чтобы отдать поклон Цяо Пэю.

Чао Цзюэ только вернулся со службы, когда ему доложили, что некий человек просит аудиенции, называя себя мужем его младшего брата. Сердце канцлера пропустило удар. Когда гостя ввели в зал, перед ним предстал не кто иной, как Цзинь Яо.

Ситуация принимала скверный оборот. Его брат уже связал свою судьбу с Цяо Пэем. Чао Цзюэ был уверен, что Цзинь Яо сгинул во время их бегства, а когда он осторожно спрашивал Чао Цы о муже, тот ничего не помнил. Юноша вел себя так, будто этого человека никогда не существовало в его жизни.

Канцлер и раньше не питал симпатии к Цзинь Яо, а видя, что брат его забыл, был только рад. Когда Чао Цы и Цяо Пэй сошлись, он и вовсе не думал, что где-то может объявиться пропавший супруг...

И вот теперь этот человек стоит на пороге. У Чао Цзюэ голова шла кругом. Он не решился принимать решение в одиночку и вызвал императора из дворца.

— Когда я забирал А-Цы из Даюэ, господина Цзиня среди выживших не оказалось. Я полагал, что вы пали жертвой несчастного случая, и никак не ожидал встретить вас здесь в добром здравии. Какое счастье, — произнёс Цяо Пэй.

Он говорил о «счастье», но в его голосе и взгляде сквозила ледяная стужа. Его улыбка больше походила на оскал.

Ему было противно даже смотреть на Цзинь Яо. Но Цзинь Яо испытывал к императору лишь нескрываемое раздражение. Бог знал, что этот смертный воспользовался его отсутствием и соблазнил Чао Цы. Сейчас лишь страх вызвать гнев юноши удерживал его от того, чтобы стереть этого человека в порошок.

Цзинь Яо с трудом подавил ярость и, опустив взор, произнёс:

— Я бесконечно благодарен вашему величеству за спасение А-Цы. Тогда на нас напали разбойники, и я был вынужден разлучиться с ним. Все мои поиски не давали результатов, но стоило мне услышать слухи о том, что юный господин Чао вернулся домой, я сразу поспешил сюда.

Он поднял глаза на Цяо Пэя:

— Однако я не знаю, где А-Цы сейчас?

Цяо Пэй, глядя на него со своего возвышения, отметил, что хотя гость одет в простую одежду простолюдина, от него исходит необычайная, почти пугающая сила. Он явно не был обычным человеком.

«Где он? Где бы он ни был, это не твоё собачье дело!»

Цяо Пэй подавил жажду убийства и холодно ответил:

— А-Цы сейчас нездоров. Врачи запретили ему принимать посетителей.

— Даже меня? — Цзинь Яо прямо встретил взгляд императора. — Я — муж А-Цы. Если он болен, моё место рядом с ним. Даже если это морозная язва, мы встретим смерть вместе.

— Если мне не позволено видеть А-Цы, значит, во всём мире этого не достоин никто.

Лицо Цяо Пэя становилось всё мрачнее.

— Господину Цзиню не стоит быть столь безрассудным. Если вы подхватите заразу, будет поздно сожалеть. Люди! Расположите господина Цзиня со всеми удобствами! — С этими словами Цяо Пэй резко поднялся и с ледяным безразличием вышел из зала.

Это означало лишь одно: Цзинь Яо фактически помещён под домашний арест.

<http://bllate.org/book/15361/1372901>